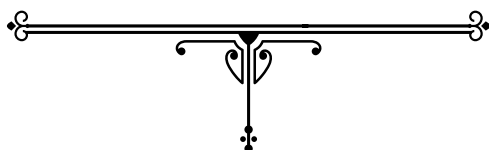
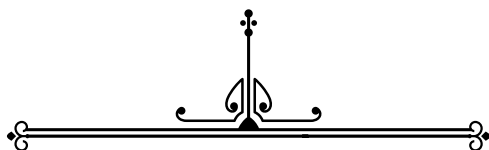

ДМИТРИЙ
МИРОПОЛЬСКИЙ

AMERICANец

ЖИЗНЬ
И УДИВИТЕЛЬНЫЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
АВАНТЮРИСТА ГРАФА
ФЁДОРА ИВАНОВИЧА
ТОЛСТОГО

Издательство АСТ
МОСКВА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

—•••—

*Санкт-Петербург,
август 1806 года*

~ ~ ~

Российское могущество прирастать будет Сибирью
и Северным океаном и достигнет до главных поселений
европейских в Азии и в Америке.

М. В. Ломоносов.
«О приуготовлении
к мореплаванию Сибирским океаном»

Его покой – движенье.
Игра, борьба и бег.

Г. Р. Державин.
«Афинейскому выпязю»

Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом,
И крепко на руку не чист;
Да умный человек не может быть не плутом.

А. С. Грибоедов.
«Горе от ума»

ГЛАВА I

Приятно, чёрт возьми, оказаться самой популярной персоной в столичном Петербурге! А уж если ты популярнее всех в столице — само собой разумеется, что равных нет и во всей остальной империи. Уж Россию-то ему довелось повидать, как мало кому другому. И пройти-проехать по ней от самого дальнего востока через прибайкальский Иркутск; через Томск, нынешней весной по указу государя ставший центром вся Сибири...

...через множество городов и городишек, через бессчётные сёла и деревни — обратно в Петербург, из которого бежал он три года назад.

Фёдор Иванович Толстой потянулся, скрипнув диваном, и отлебнул горячего кофею. Горький пахучий напиток оказался недурён. Как в Бразилии! Стёпка, подлец, быстро наловчился... Толстой с удовольствием причмокнул. Хотя на те деньги, что давеча слупили с него за два фунта свежих зёрен, в порту Ностеро-Сенеро-дель-Дестеро можно сторговать пудовый мешок. Или целый месяц спрашивать чашку за чашкой, развалясь на террасе какой-нибудь бразильской таверны...

И всё же кофе был отменно хорош. Покупать провизию Фёдор Иванович не доверял никому, разве что всякую мелочь. А знакомым повторял со смехом, что первый признак образованности — умение выбрать столовые припасы. Ранним утром в сопровождении ворчащего сонного Стёпки он отправлялся на рынок и долго расхаживал меж рядов. Торговцы начали к нему привыкать. Хотя

до сих пор им было в диковинку, что граф Толстой объявляется самолично, с придиркой разглядывает бьющуюся в садках рыбу — и вправду выбирает лучшую. Говорят, не обманешь — не продашь, только с его сиятельством такие номера не проходили. Глаз востёр...

...да и в рыло получить от Фёдора Ивановича — раз плюнуть. Это выяснилось в первый же день: хитрый мясник попытался подсунуть чудному барину кусок поплоче — и тут же рухнул на прилавок с разбитыми зубами. Других желающих отведать здорового и тяжёлого, как пушечное ядро, графского кулака что-то не находилось.

Фёдор Иванович поднялся с дивана. Продолжая попить кофе, он растворил балконную дверь и встал в проёме.

Август тысяча восемьсот шестого года в Петербурге выдался дождливым; серая хмарь висела над городом с той поры, как граф Толстой вернулся в столицу империи, — уже три недели кряду. За окном уныло плескалась побитая дождевой рябью Фонтанка; с воды тянуло сырым сквозняком. На другой стороне реки мокрой бурой громадиной высился Михайловский замок.

Такое соседство ещё лет пять-шесть назад вызывало зависть. Император Павел Петрович спешно сооружал убежище от заговорщиков. Купец Мижуев — хозяин доходного дома, в котором устроился Фёдор Иванович, — получил тогда подряд на строительство замка и заодно отхватил себе кусок земли через реку напротив, поближе к государю.

Цитадель, окружённая рвами, императора не спасла: Павла убили вскоре после новоселья. А новый император, Александр Павлович, избрал себе другую резиденцию. Михайловский замок обезлюдел, но земля у Мижуева осталась. Не пропадать же добру, решил купец — и нанял лучшего российского архитектора Андреяна Захарова. Того самого, который прожектировал застройку всего Васильевского острова и реконструкцию Академий, а нынче перестраивал Адмиралтейство.

Стараниями Захарова на набережной Фонтанки вскоре вырос красавец-дом — с жёлтым фронтоном и портиком о шести белых колоннах, объединившим два верхних этажа. По флангам расположились изящные балконы, с одного из которых выглядывал сейчас Фёдор Толстой, наслаждаясь горячим кофе.

Граф занял апартаменты и наскоро обставил их мебелью. Хозяин только-только начал сдавать жильё постояльцам, однако большинство квартир и комнат попроще уже были разобраны. Слух о появлении Толстого мгновенно разлетелся по округе — через чиновных соседей и господскую челядь, через приходящую прислугу, через рыночных торговцев... С утра до вечера находились любопытные, которые топтались на набережной Фонтанки и караулили появление знаменитости.

Вот и сегодня, несмотря на ранний час и нудную морось, против дома маячили какие-то люди. Заметив графа, они сбились в плотную кучку и стали судачить, кивая и тыкая пальцами в его сторону. Толстой приосанился.

Дождь ему был нипочём. Смешно пугать сыростью того, кто за три года обошёл кругом света, побывал в штормах двух океанов и многих морей, замерзал в Русской Америке и месил грязь на десяти тысячах вёрст российского бездорожья. Петербург обсуждал фантастические подвиги графа в сражениях и на дуэлях, а ведь кровь, обагрывшая его руки, — тоже не водица, что каплет с неба. К тому же Фёдор Иванович Толстой был здоров и молод: ему шёл всего двадцать пятый год.

На балконе доходного дома кушца Мижуева, поигрывая опустевшей кофейной чашкой, стоял настоящий богатырь. Причёска его не заботила, и густые чёрные кудри растрепал налетающий ветер. Огромные — в ладонь длиной — бакенбарды топорщились в стороны, придавая владельцу лихой разбойничий вид. Лоб и скулы графа покрывал загар морковного оттенка, обычный для моряков или солдат в дальнем походе, — для всех, кто много времени провёл под открытым небом. Мощные плечи и широкую грудь молодого человека облегал небрежно запахнутый поверх исподнего шёлковый халат. На шее поблёскивали золотые цепи.

Насладившись вниманием публики, коренастый красавец игриво помахал рукой симпатичной девице, оказавшейся на набережной среди промокших зевак, и ушёл с балкона в комнату. Настенные часы показывали почти половину девятого. Какого чёрта?! Стоило затевать сегодняшнюю интригу, если долгожданного гостя до сих пор носит неизвестно где! Хотя, судя по цоканью копыт и стуку подъехавшего экипажа под окном, — события всё же развивались так, как задумал Толстой. Он довольно ухмыльнулся и хлопнул в ладоши. Будет потеха!

Скоро из-за дверей послышался голос Стёпки.

— Барин, ваше сиятельство! — тараторил верный раб, упреждая появление гостя. — Тут к вам пожаловали! Только они раздеваться не желают и дерутся...

Стёпка крикнул и умолк — видно, получив хорошего пинка, — и через мгновение распахнул двери. Оттолкнув его, в комнату шагнул молодой человек в мокрой накидке и усталился на Толстого, который раскинул руки для объятий.

Вошедшего тоже звали Фёдором Толстым: граф Фёдор Петрович доводился графу Фёдору Ивановичу двоюродным братом и был ровно на год старше. Внешнего сходства между кузенами искать не стоило: гость имел совсем не богатырское сложение, чисто брил бледное вытянутое лицо и одевался весьма тщательно.

Несколько мгновений два Фёдора Толстых смотрели друг на друга. Фёдор Иванович с радостной улыбкой, Фёдор Петрович — с возмущённым негодованием. Первым нарушил молчание хозяин квартиры.

— Здравствуй, братец! — сказал он. — А я вот кофейком балуюсь. Не откажи в удовольствии... Стёпка! Чашку давай гостю!

Слуга потопал на кухню.

К Фёдору Петровичу постепенно возвращался дар речи.

— Ты... как же это? Ты почему... здесь? — запинаясь, проговорил он. — Почему раздетый? Знаешь ли, который теперь час?

— Полдевятого, — ответил Фёдор Иванович, снова глянув на часы. — Да не изволь беспокоиться: я с шести на ногах. Сам знаешь: кто рано встаёт... Уже на рынке был. Такого сома купил — залюбуешься!

— Сом?! — Фёдор Петрович от изумления вылупил глаза. — О чём ты?! Какой сом?! Я ждал тебя, я ночь не спал, а ты, значит, преспокойно поехал на рынок?!

Фёдор Иванович не стал возражать:

— И уверяю тебя, съездил очень удачно. Сом нам сегодня подадут к обеду. Я с чесночком велел его запечь. Готов поспорить, эдакого чёрта ты ещё никогда не пробовал. Давай-ка, раздевайся, а то с тебя натекло уже. Если промок, водки вышей... Или хочешь, велю Стёпке портвейну разогреть?

Фёдор Петрович, не снимая мокрого плаща, рухнул в ближайшее кресло.

— Господи-и-и, — простонал он, — за какие грехи?.. Феденька, ты помнишь, что было вчера?

— Где нам, дуракам, чай пить... Помню, конечно! Нынче воскресенье, двенадцатое августа, — стало быть, вчера была суббота, одиннадцатое... Да что вчера! Вот сегодня нас ждёт запечённый сом и визига в уксусе — тут уж, хочешь или нет, а водки принять изволь!

— Вчера я играл в клубе, — не слушая кузена, замогильным голосом продолжал Фёдор Петрович, — и этот надутый индюк Брэдшоу потребовал дуэли, а ты вызвался быть моим секундантом.

— Разумеется, — согласился Фёдор Иванович. — Я слышал, в моё отсутствие англичане из посольства совершенно распоясались. Индюков надо хорошенько учить, чтобы другим неповадно было.

— Только проучить Брэдшоу я должен меньше чем через четверть часа! — закричал Фёдор Петрович, вскочил и забегал по комнате. — Договаривались же, что ты заранее приедешь ко мне и поедем вместе! Я ждал, как наивный дурачок! До последнего ждал! Теперь ты кофейком балуешься и в исподнем бродишь, а меня англичане бесчестят! К полудню весь Петербург узнает, что граф Толстой струсил и не явился на поединок! Господи, я это объясняю завязтому дуэлянту... Ты понимаешь, что ты наделал?

— Понимаю, понимаю, — ласково молвил Фёдор Иванович, высвобождая рукав халата из холодных пальцев кузена. — Я решил устроить нам с тобой королевский обед. Хорошая пища облагораживает животную оболочку человека, из которой испаряется разум! Знаешь, как надо выбирать рыбу? Скажу тебе, секретов много, но есть один, который стоит всех остальных. Главное, покупай рыбу только из садка. И смотри, которая сильнее бьётся. В той, что извивается эдак... упруго и хвостом лупит — жизни больше. Силы больше, понимаешь? Самая живая и самая сильная рыба обязательно будет самой вкусной.

— Ты болен, — печально произнёс Фёдор Петрович и снова опустился в кресло. — Я понял, ты просто болен. Где-то в Америке, или на островах, или ещё где — тебе голову повредили. А я теперь по твоей милости сделался трусом и подлецом. Всё рухнуло, всё... На улицах пальцем стану показывать... Боже мой, я же к Анне свататься хотел!

Фёдор Иванович оживился.

— Вот это молодец! Я три года хорошей свадьбы не видел. Соскучился. Хочешь, буду шафером твоим? Застолье опять же! У меня уже под ложечкой сосёт. Давай, может, пока буженины, а?.. Стёпка! Буженину носи!.. Ты, Феденька, сейчас сам увидишь: свежайшая, ароматная невозможно...

— Кодекс чести дворянина, — тихим голосом бубнил Фёдор Петрович, глядел в точку и раскачивался, будто клал поклоны. — Кодекс чести. Позор смывается кровью. Пулю в лоб — и кончено. До чего же глупо... как глупо всё...

Стёпка принёс блюдо с ломтями нежной благоухающей буженины. Зная тяжёлый нрав хозяина, он без лишнего напоминания выставил водку и рюмки, которые тут же ловко наполнил.

Взгляд Фёдора Ивановича вспыхнул, а гигантские бакенбарды встали дыбом ещё пуще прежнего.

— Ну, всё, — объявил он кузену, подхватил того за подмышки, одним движением легко поднял из кресла и подтолкнул к сервированному столу. — Всё, говорю тебе. Хватит причитать. С честью твоей всё в порядке, и трусом тебя никто назвать не посмеет, и свататься можешь хоть сегодня. Про шафера я вполне серьёзно. Про сома тоже. Рецепт фантастический. Только до обеда ещё дотянуть надо.

Фёдор Петрович поднял на кузена глаза, полные слёз.

— О чём ты? У меня жизнь кончилась!

— Это не у тебя, а у Брэдшоу она кончилась! — рявкнул Фёдор Иванович, которому вконец надоело куражиться и невозможно хотелось выпить. — Никто нигде тебя не ждёт. Никто, кроме этой буженины, этой водки и меня. Буженина сохнет, водка греется, и я тоже не из терпеливых.

— Что значит — никто меня не ждёт? — Фёдор Петрович смахнул слезу и недоумённо посмотрел на кузена.

— То и значит, — сердито буркнул шутник. — Не до тебя сейчас англичанам. Особенно твоему дорогому Брэдшоу.

— Объясни же толком! — взмолился Фёдор Петрович и, неожиданно цапнув рюмку водки, залпом опрокинул её в глотку.

— Другое дело! — просиял Фёдор Иванович, тоже с удовольствием выпил, сунул в рот ломоть буженины и продолжал с набитым ртом: — А всё просто. Сам посуди: ну какой из тебя стрелок? Курам на смех. Ты когда пистолет последний раз в руках держал? Ты же художник,

Феденька! Ну, так и рисуй себе на здоровье. Медальки гравировать... Когда ты из клуба отправился домой завещание писать, я к этому индюку подошёл и без разговоров оплеуху – бац! Само собой, он меня тут же вызвал. Меньше чем через час уже стрелялись. А я, ты знаешь, на пяти саженьях в червовый туз луплю без промаха. Так что этого индюка жирного даже с завязанными глазами положил бы, не то что... Буженину бери, прошу тебя. Зря я, что ли, в такую рань по дождю на рынок ездил? Аромат, аромат какой – чувствуешь?! Сейчас мы ещё водочки, а потом кофею обязательно: Стёпка, собачий сын, отменный кофе варить научился – тебе понравится!

ГЛАВА II

Говоря кузену о том, что англичане сейчас заняты, Фёдор Иванович Толстой и не подозревал, насколько он прав.

Вчерашняя дуэль наделала шуму не только в обществе. Смертельно раненного Брэдшоу привезли на квартиру, а о случившемся немедленно известили британского посла.

Сэр Уильям Шоу Кэткарт, десятый лорд Кэткарт, представлявший в Российской империи – Британскую, чувствовал себя неважно. Скандывалась паршивая погода. Кто говорит о дождливом и сыром Лондоне, тот не бывал в Петербурге. На шестом десятке сэр Уильям ощущал сырость здешних болот всеми костями и даже ливером.

Он принял своё назначение послом в Петербург мужественно, как и подобает солдату. Недавно Англии удалось разрушить опасный альянс Франции – вечного своего противника – с Россией, и даже стравить их. Это стоило титанического труда и немалых денег. Теперь симпатии русских вроде бы склонялись на сторону Британии, но положение оставалось шатким. Такой перевес надо удерживать железной рукой, без трепета и сомнений. Поэтому при выборе посланника королевское решение было сделано в пользу боевого генерала, героя войны против Северных Американских Штатов и баталий с Французской республикой. Граф Кэткарт, суровый пятидесятилетний красавец, привык решать поставленные задачи жёстко, как военный: в нынешних условиях достоинство немало важное.

В ночь на двенадцатое августа посол маялся бессонницей. Мудрено заснуть, когда суставы немилосердно ломит, старые шрамы ноют отвратительно, а живот пучит после обычной вечерней трапезы...

...хотя куропатка с грибами была явно лишней. Сэр Уильям покряхтел, поворочался под балдахин кровати «чиппендейл» в виде китайской пагоды – и решил прибегнуть к опию. Во всей Британской империи, над которой никогда не заходит солнце, лучшего снотворного не сыскать. Опиум начал действовать, и блаженный сон уже сделался близок, но тут примчался нарочный с вестью о трагической дуэли.

Только этого не хватало! Брэдшоу выполнял для сэра Уильяма деликатные поручения денежного свойства. Взятка в России – привычный способ улаживания любой проблемы. Вопрос лишь в сумме и в том, как её ловчее предложить, а потом передать. Взятка действует не в пример лучше угроз или обращения к закону. Брэдшоу хорошо научился умасливать русских, ему доверяли чиновники и дипломаты, попы и военные... Потеря такого ценного сотрудника наносила посольству чувствительный удар.

К смертному одру толстяка граф Кэткорт опоздал. Несчастный Брэдшоу испустил дух раньше появления посла и унёс в мир иной небезынтересные детали последних финансовых операций. Раздосадованный генерал велел опечатать бумаги покойного и вернулся к себе. Дома его, наконец, сморило, но чуть свет он очнулся, звонком вызвал секретаря и, не вставая с постели, потребовал детального рассказа о смерти Брэдшоу.

Как раз в то время, когда один граф Толстой куражливо дразнил другого графа Толстого, секретарь пояснял сэру Уильяму тонкости взаимоотношений кузенов. Опиум, одурманивший посла, никак не отпускал, и в голове не укладывалось: отчего Брэдшоу собирался наутро дуэлировать с одним Фёдором Толстым, но ещё ночью оказался у барьера с другим Фёдором Толстым – от которого и схлопотал пулю? Нюхательная соль с трудом прочищала мозги. Чёрт подери, как?! Как Брэдшоу – хитрый, осторожный, изворотливый Брэдшоу, – мог настолько глупо сунуться под выстрел?!

Секретарь терпеливо повторял. Брэдшоу был совершенно уверен в себе и своей фортуне, поскольку повздорил с безобидным тихоней из Академии художеств. Предполагалось, что дуэль развлечёт

компанию англичан, а молодого графа Толстого хорошенько припугнёт и поставит на место, только и всего. Кривавой развязки никто не предполагал — по крайней мере, до того момента, пока не появился другой Фёдор Толстой, кузен художника и гвардейский офицер.

Об этом Толстом ходят самые дикие слухи, говорил секретарь. Скандальной была его служба. Скандальным был побег из Петербурга. Толстой участвовал в кругосветном плавании — брови сэра Уильяма встали домиком — и там тоже натворил немало бед, а потом сгинул где-то на Аляске или Камчатке. Его уже считали погибшим, но с месяца назад он, как ни в чём не бывало, опять объявился в столице. В обществе только и разговоров про невероятные приключения молодого графа. Толстой сказочно популярен, ему открыты двери всех светских салонов и клубов; он играет, кутит направо и с удовольствием эпатирует столицу своими выходками.

К тому времени, когда на кухне Фёдора Ивановича Толстого повар собирался облить сома соусом из горчицы и яблок — в голове британского посла события минувшей ночи постепенно встали на свои места.

— Выходит, этот Фёдор Толстой намеренно затеял ссору с Брэдшоу, желая стреляться вместо своего кузена? — уточнил сэр Уильям, и секретарь подтвердил:

— Несомненно, так. Он очень ловко всё устроил. Брэдшоу был оскорблён публично, и Толстой не оставил ему ни единого шанса для отступления. Получил вызов, потребовал стреляться немедленно, и они вместе с секундантами сразу же помчались за город... Всё произошло слишком быстро! Шансов уцелеть у Брэдшоу не было тоже: о свирепости и меткости этого русского слагают легенды.

— Что ж, — сэр Уильям растирал пальцами виски и говорил негромко, с хрипотцой, — судя по тому, что вы мне рассказали, графа вряд ли серьёзно накажут за убийство. Он ещё раз выйдет сухим из воды и только пополнит список своих побед. Но мы не можем оставить этот случай без последствий. И тем более не можем допустить, чтобы смерть британского подданного прибавила кому-то популярности. Если мы будем настойчиво обращаться к российским властям, это неминуемо станет известно в обществе и лишь вознесёт графа Толстого на новую высоту. Меж тем он заслуживает совсем другой участи. Как и бедняга Брэдшоу, который взывает о мести...